

Время Петра Великого

Детство и отрочество Петра (1672-1689)

Первые годы.

Изучение первых лет жизни Петра имеет большую важность в том отношении, что позволяет нам понять, в какой обстановке развивался его характер, какие впечатления вынес Петр из своего детства, как шла его умственная жизнь, какое отношение сложилось в нем к среде, его воспитавшей. Существует мнение, что бурное детство было причиной всех дальнейших резкостей в поведении Петра и вызвало в нем жгучее озлобление против старины, стоявшей помехой на его дороге. Далее мы увидим, что в этом мнении много правды. Сам Петр иногда с горечью отзывался о своих детских годах.

Петр был младшим сыном царя Алексея Михайловича. Царь Алексей был женат два раза: в первый раз на Марье Ильиничне Милославской (1648-1669), во второй – на Наталье Кирилловне Нарышкиной (с 1671 г.). От первого брака у него было 13 детей. Многие из них умерли еще при жизни отца, и из сыновей только Федор и Иван его пережили. Оба они были болезненными: у Федора была цинга, Иван страдал глазами, заикался, был слаб телом и рассудком. Быть может, мысль остаться без наследников побудила царя Алексея спешить вторым браком. Свою вторую жену Наталью Кирилловну царь встретил в доме Артамона Сергеевича Матвеева, где она росла и воспитывалась в обстановке реформационной. Увлечшись красивой и умной девушкой, царь обещал найти ей жениха и скоро сам присватался к ней. В 1672 г. 30 мая у них родился крепкий и здоровый мальчик, нареченный Петром. Рождение его окружено роем легенд, неизвестно когда развившихся. Говорили, что Симеон Полоцкий предсказывал еще до рождения Петра его великую будущность; что юродивый заранее определил, сколько он проживет; что в церкви дьякон, не зная еще о рождении Петра, в минуту его рождения возгласил о его здравии и т.д.

Царь Алексей был очень рад рождению сына. Рады были и родственники его молодой жены, Матвеев и семья Нарышкиных. Незнатные до тех пор дворяне (про Наталью Кирилловну ее враги говорили, что прежде, чем стать царицей, она «в лаптях ходила»), Нарышкины с женитьбой царя приблизились ко двору и стали играть немалую роль в придворной жизни. Их возвышение было враждебно встречено родственниками царя по первой его жене – Милославскими. Рождение Петра увеличило эту вражду первой и второй семей царя и сообщило ей новый характер. Для Милославских рождение Петра не могло быть праздником, и вот почему: хотя наследником престола всегда считался, а с 1674 г. официально был объявлен царевич Федор, тем не менее при болезненности его и Ивана Петр мог иметь надежду на престол. Если бы царствовал Федор или Иван, политическое влияние всецело принадлежало бы их родне – Милославским; если бы престол перешел к Петру, опека над ним и влияние надела принадлежали бы матери Петра и Нарышкиным. Благодаря такому положению обстоятельств с рождением Петра семейный разлад Милославских и Нарышкиных терял узкий семейный характер и получил более широкое политическое значение.

Отсутствие родственной любви и неприязнь между Милославскими и Нарышкиными существовала и при жизни царя Алексея; но он сдерживал эту неприязнь своим личным авторитетом, хотя уверенно можно сказать, что и его авторитет не мог примирить враждующие стороны. При полной противоположности интересов родня царя расходилась и взглядами, и воспитанием. Старшие дети царя

(особенно Федор и четвертая дочь Софья) получили блестящее по тому времени воспитание под руководством С. Полоцкого. В этом воспитании силен был элемент церковный, действовало польское влияние, заметное на южно-русских монахах. Напротив, Нарышкина вышла из такой среды (Матвеевы), которая при отсутствии богословского направления впитала в себя влияние западноевропейской культуры. Это различие направлений могло только усиливать вражду. Столкновение было неизбежно.

В январе 1676 г. умер царь Алексей. Ему было только 47 лет; его ранней смерти нельзя было предусмотреть. Поэтому обе семейные партии были застигнуты катастрофой врасплох. На престол вступил 14-летний Федор, но дела некоторое время оставались в руках Матвеева: царствовал представитель одной семейной партии, управлял представитель другой. Так случилось потому, что в последние годы царя Алексея родственники его второй жены были ближе к царю и делам, чем Милославские. Однако скоро Милославские взяли верх; интригами способнейшего из Милославских, Ивана Михайловича, и влиятельного боярина Богдана Матвеевича Хитрово Матвеев был удален в далекую ссылку (Пустозерск). Делами завладели Милославские; но при дворе кроме Милославских и Нарышкиных образовалась третья партия. Под руководством старых бояр Хитрово и Юрия Алексеевича Долгорукого некоторые лица с боярином Иваном Максимовичем Языковым во главе завладели симпатией царя Федора и отстранили от него все другие влияния. Потеряв надежду видеть потомство у царя и понимая приближение господства (в случае смерти Федора) или Нарышкиных, или Милославских, партия Языкова впоследствии стала искать сближения с Нарышкиными. Вот почему в конце царствования Федора был возвращен из ссылки Матвеев. Вот почему, когда умер Федор (27 апреля 1682 г.), восторжествовали Нарышкины, а не Милославские. Сложная игра придворных партий, соединившая интересы стороны Языкова со стороной Нарышкиных, повела к тому, что помимо старшего, больного и неспособного Ивана царем был избран младший брат, царевич Петр.

После смерти Федора царя приходилось избирать, потому что не было законом установленного престолонаследия. По действовавшему обычаю отцу наследовал сын, но у Федора не было детей. В давно прошедших веках, случалось, наследовали и брат брату (сыновья Ивана Калиты), но это была уже ветхая, потерявшая обязательную силу старина, на ней трудно было основать права Ивана. Патриарх Иоаким, Языков с прочим боярством и Нарышкины хотели Петра. Десятилетний здоровый Петр и в самом деле своей личностью представлялся более способным занять престол, чем полумертвый и тоже малолетний Иван (ему было 14 лет). Петр был избран в цари. Но обычаем была в Московском государстве узаконена форма царского избрания – посредством Земского собора. Собором избрали Бориса Годунова и Михаила Федоровича, за отсутствие собора упрекали царя В. И. Шуйского его современники. В данном случае, при избрании Петра, к созыву собора не прибегли. Решили дело патриарх с Боярской думой, после того как толпа народа (московское вече, если уместно это архаическое выражение) криком решила, что желает в цари Петра. Такая форма избрания мало давала гарантий для будущего, тем более что время было очень смутное. Милославские не могли помириться с неудачей, их сторонники открыто кричали на площади в пользу Ивана, а не Петра; не все стрельцы с одинаковой охотой присягали Петру; во дворце боялись резких партийных столкновений, бояре носили кольчуги под одеждой.

Тем не менее Петр стал царем. Опека над ним, по московскому обычаю, принадлежала его матери. Царица Наталья Кирилловна стала центром правительства. Но подле нее не было искренно преданных помощников и руководителей: Матвеев еще не вернулся в Москву из ссылки, братья царицы не отличались необходимыми для правления способностями и опытом. Таким образом,

новое правительство было слабо. Этим и воспользовалась сторона Милославских, среди которых было много выдающихся лиц.

Главным представителем этой партии была царевна Софья, ученица Симеона Полоцкого, личность безусловно умная и энергичная, которой душно было в тесной полумонашеской обстановке, окружавшей московских царевен; образование расширило ее умственный кругозор, выработало в ней широкие запросы жизни, а отсутствие стесняющего внешнего авторитета родительской власти позволило Софье искать ответы на эти вопросы вне терема. Она тесной сердечной связью сблизилась с замечательнейшей личностью того времени, князем В. В. Голицыным, и вмешивалась в общественную жизнь. Кровными узами привязанная к дворцовой партии Милославских, Софья прониклась ее интересами. Как сильная и страстная натура, она лучше и сильнее всех чувствовала эти интересы и стала руководительницей этой партии. Противники (т. е. Нарышкины, и более всех Наталья Кирилловна) были ей ненавистны, как обидчики ее и ее родных. В то же время очень развитое честолюбие Софьи показывало ей возможность в случае воцарения Ивана стать во главе государства опекуншей неспособного брата, заменить ему мать, управлять государством. С воцарением Петра место это было занято Натальей Кирилловной, которая видела, конечно, в Софье свою соперницу; отсюда взаимная ненависть мачехи и падчерицы. Кроме Софьи у Милославских был другой способный человек, И. М. Милославский, падкий на интригу, изворотливый и лишенный твердых нравственных понятий. За Иваном Милославским стоял родовитый князь И. А. Хованский, который не столько дружил с Милославскими, сколько не любил их противников. Но Хованский и Голицын не были деятельными участниками той политической интриги, которая была ведена в мае 1682 г. преимущественно Софьей и Милославскими против Нарышкиных.

В последние дни царя Федора и в первые дни царствования Петра московские стрельцы пришли в некоторое движение. Стрелецкое войско было сформировано в полки, носившие название по фамилиям полковников. Жило оно отдельно от прочего населения Москвы, в особых «стрелецких слободах» в разных частях города. И сами стрельцы, и их семьи помимо службы занимались промыслами и мелкой торговлей. Поэтому стрельцы, имея военную организацию, в то же время не были замкнута живущим военным сословием, а сохраняли живые связи с остальным московским населением. В начале 1682 г. главным начальником стрелецкого войска был князь Юрий Алексеевич Долгорукий, «развалина от старости и паралича», как характеризует его С. М. Соловьев. Он не мог поддержать должной дисциплины. Полковники стрелецкие начали притеснять стрельцов, стрельцы на злоупотребления властью отвечали нарушением порядка. В грубой форме заявляют они протест против притеснений, подавая с ругательствами челобитья на начальников и употребляя силу для освобождения наказанных товарищей. Это движение началось еще при Федоре, а при новом правительстве выразилось довольно резко: сразу от 16 полков подана была во дворец челобитная на полковников с угрозой, если не накажут полковников, расправиться с ними самосудом. Правительство Натальи Кирилловны сделало промах: вместо спокойного расследования дела оно с испуга уступило стрельцам и, уволив полковников, взыскало с них все денежные к ним претензии стрельцов. Уступка разнуздала стрельцов окончательно, дисциплины не стало, самосудом расправлялись они со всеми неприятными им начальниками. Полный беспорядок царил в слободах. С переменой правительства стрельцы почувствовали, что они – сила, которой боятся даже во дворце.

Всеми этими обстоятельствами воспользовалась партия Милославских, чтобы направить движение в свою пользу, сообщить ему политический характер, которого оно до сих пор не имело. Через преданных себе стрельцов эта партия постаралась возбудить неудовольствие полков против правительства Петра, перенести их

внимание от своих стрельецких дел на политическое положение. Стрельцы усердно рассказывали, что за малолетним Петром стоят бояре «изменники», которые не хотят ему добра и государством управляют в свою пользу, а другим во вред; эти изменники злоумышляют на царскую семью, т. е. на царя Ивана и на Милославских. Стрельцы верили всем этим слухам и главными изменниками считали (конечно, по наущению Милославских) Матвеева, Нарышкиных и Языкова. Они явно грозили «свернуть шею» этим лицам и готовы были стать за царя и за благополучие царской семьи. Милославским, таким образом, удалось настроить стрельцов против своих политических противников. Между стрельцами был распространен список изменников, которых следовало истребить, но Милославские ждали еще приезда в Москву опаснейшего своего противника Матвеева, чтобы истребить и его, и потому удерживали стрельцов от решительных действий. Матвеев приехал 11 мая и хотя был предупрежден о волнениях стрельцов, но не придавал им большого значения и не принял предосторожностей.

15 мая произошел так называемый стрельецкий бунт. Милославские дали знать утром этого дня в стрельецкие слободы, что изменники задушили царя Ивана. Стрельцов звал и в Кремль. В боевом порядке выступили стрельецкие полки в Кремль, успели занять кремлевские ворота, прекратили сношения Кремля с остальным городом и подошли ко дворцу. Во дворце собрались, услыша о приближении стрельцов, бояре, бывшие в Кремле, и патриарх. Из криков стрельцов они знали, зачем явилось стрельецкое войско, знали, что они считали царя Ивана убитым. Поэтому на дворцовом совете было решено показать стрельцам и Ивана, и Петра, чтобы сразу убедить их в полном отсутствии всякой измены и смуты во дворце. Царица Наталья вывела обоих братьев на Красное крыльцо, и стрельцы, вступив на разговор с самим Иваном, слышали от него, что «его никто не изводит, и жаловаться ему не на кого». Эти слова показали стрельцам, что они жертва чьего-то обмана, что изменников нет и истреблять некого. Старик Матвеев умелой и сдержанной речью успел успокоить стрельцов настолько, что они хотели разойтись. Но Михаил Юрьевич Долгорукий испортил дело. Будучи, после отца своего Юрия, вторым начальником Стрелецкого приказа и думая, что теперь стрельцы смирились совсем, он отнесся к толпе с бранью и грубо приказывал ей расходиться. Стрельцы, рассердясь и подстрекаемые людьми из партии Милославских, бросились на него, убили его и, опьяненные первым убийством, бросились во дворец искать других «изменников». Матвеева они схватили на глазах царицы Натальи и Петра (некоторые рассказывали, что даже выхватили из их рук) и рассекли на части; за Матвеевым были схвачены и убиты бояре князь Ромодановский, Аф. Кир. Нарышкин и другие лица. Особенно искали стрельцы ненавистного Милославским Ив. Кир. Нарышкина, способнейшего брата царицы, но не нашли, хотя обыскали весь дворец. Убийства совершались и вне дворца. В своем доме был убит князь Юрий Долгорукий. На улице схвачен и потом убит Ив. Макс. Языков, представитель третьей дворцовой партии. Над трупами убитых стрельцы ругались до позднего вечера и, оставив караул в Кремле, разошлись по домам.

16 мая возобновились сцены убийства. Стрельцы истребили всех тех, кого сторона Милославских считала изменниками. Но желаемого Ив. Кир. Нарышкина не нашли и в этот день – он искусно прятался во дворце. 17 мая утром стрельцы настоятельно потребовали его выдачи, как последнего уцелевшего изменника. Чтобы прекратить мятеж, во дворце нашли необходимым выдать Ивана Кирилловича. Он причастился и предался стрельцам, его пытали и убили. Этим окончился мятеж.

Петр и его мать были потрясены смертью родных, ужасами резни, которая совершалась на их глазах, и оскорблениями, которые получали они от грубых стрельцов. Около них не осталось ни одного помощника и советника: все их сторонники были истреблены, а уцелевшие попрятались. У Милославских, таким

образом, исчезли их политические противники. Хозяевами дел становились теперь они, Милославские; представительницей власти стала Софья, потому что Наталья Кирилловна удалилась от дел. В те дни ее грозили даже «выгнать из дворца». Вступление во власть со стороны Милославских выразилось тотчас же после бунта тем, что места, занятые прежде в высшей московской администрации людьми, близкими к Нарышкиным, еще до окончания бунта перешли к сторонникам Софьи. Князь В. В. Голицын получил начальство над Посольским приказом; князь Ив. Андр. Хованский с сыном Андреем стали начальниками Стрелецкого приказа (т. е. всех стрелецких войск). Иноземский и Рейтарский приказы подчинены были Ив. Мих. Милославскому.

Но, завладев фактически властью, уничтожив одних и устранив отдел других своих врагов, Софья и ее сторонники не заручились еще никаким юридическим основанием своего господствующего положения. Таким юридическим основанием могло быть воцарение царя Ивана и передача опеки над ним какому-нибудь лицу его семьи. Этого Софья достигла помощью тех же стрельцов. Конечно, по наущению ее сторонников, стрельцы били челом о том, чтобы царствовал не один Петр, а оба брата. Боярская дума и высшее духовенство, боясь повторения стрелецкого бунта, 26 мая провозгласили первым царем Ивана, а Петра – вторым. Немедленно затем стрельцы били челом о том, чтобы правление поручено было, по молодости царей, Софье. 29 мая Софья согласилась править. Мятежных, но верных ей стрельцов Софья угощала во дворце. Таким образом, партия Софьи достигла официального признания своего политического главенства.

Однако все население Москвы и сами стрельцы сознавали, что стрелецкое движение, хотя и вознаграждалось правительством, было все-таки незаконным делом, бунтом. Сами стрельцы поэтому боялись наказания в будущем, когда правительство усилится и найдет помимо них опору в обществе и внешнюю силу. Стараясь избежать этого, стрельцы требуют гарантий своей безопасности, официального признания своей правоты. Правительство не отказывает и в этом. Оно признает, что стрельцы не бунтовали, а только искореняли измену. Такое признание и было засвидетельствовано всенародно в виде особых надписей на каменном столбе, который стрельцы соорудили на Красной площади в память майских событий.

Постройка такого памятника, прославлявшего мятежные подвиги, еще более показала народу, что положение дел в Москве ненормально и что стрельцы, до поры до времени, единственная сила, внушающая боязнь даже дворцу. Этой грозной силой задумали воспользоваться некоторые расколоучители. Находясь под церковным проклятием (церковный собор 1666-1667 г. изрек анафему на раскольников), раскольники задумали избавиться от проклятия и восстановить «старое благочестие» в русской церкви тем же путем, каким Милославские достигли власти, т. е. с помощью стрельцов. Расколоучители повели в стрелецких слободах деятельную и успешную агитацию для этой цели. Результатом ее было новое волнение значительной части только что успокоившихся стрельцов. Через своего начальника И. Д. Хованского стрельцы требовали пересмотра вероисповедного вопроса. Хованский, несколько сочувствовавший раскольников, дал ход этому требованию, и правительство, опасаясь отказом раздражить стрельцов, назначило на 5 июля в Грановитой палате дворца диспут между православной иерархией и расколоучителями. Этот диспут вызвал уличные беспорядки, на самом диспуте спорили долго и благодаря отсутствию определенного плана прений не пришли ни к какому результату. Тем не менее раскольники провозгласили победу. Масса московского населения, с напряженным вниманием ожидавшая исхода диспута, была введена в немалый соблазн рядом скандалов и отсутствием твердой власти, не смогшей поддержать порядка, и неизвестностью – где же церковная истина?

Правительство же было смущено тем, что в этот день ясно увидело, как ненадежно стрелецкое войско; стрельцы оскорбляли Софью, когда она вмешивалась в диспут, поддерживали раскольников («променяли государство на шестерых чернецов», как выразилась Софья) и слушались обожаемого ими Хованского гораздо более, чем повиновались правительству. После диспута у Софьи стало две заботы: лишить раскольников стрелецкой поддержки и обуздать Хованского, который мог злоупотреблять привязанностью стрельцов. Первого Софья скоро достигла. Увещаниями и подачками она склонила стрельцов отстать от расколоучителей. Одного из них казнила (Никиту Пустосвята), других сослала. Не так легко было свести счеты с Хованским.

Прямо сместить Хованского Софья боялась, потому что это могло раздражать стрельцов и повести к новым беспорядкам. Терпеть же его во главе военной силы казалось невозможным. Помимо того бестактного поведения, каким он отличался во время раскольниковского движения, Хованский вел себя дурно и в последующее время: он льстил стрельцам, уронил дисциплину; ходили слухи, что он грозил устранить Милославских от власти, во дворце даже говорили, что Хованский хочет завладеть царством для себя и для сына. И. М. Милославский так был напуган, что не жил в Москве, боялась и Софья. 20 августа вся царская семья уехала из Москвы, считая себя небезопасной в Кремле. После многих переездов из села в село, из монастыря в монастырь, Софья в селе Воздвиженском праздновала свои именины 17 сентября. Туда к этому дню съехались много московской знати, и вот 17-го, после обедни и приема поздравлений, цари с боярами «сидели» о деле Хованского. Боярская дума выслушала «доклад», или обвинительный акт, в котором Хованский был обвиняем в преступлениях по службе и в умысле на жизнь государей. Последний пункт обвинений был основан на подметном письме, которое брошено было на имя государей у дворцовых ворот, а написано было, говорят, И. М. Милославским. Дума приговорила Хованского и сына его Андрея к смертной казни. Их арестовали недалеко от села Воздвиженского, доставили туда и в тот же день казнили. Суд, приговор и казнь последовали в один и тот же день, внезапно, неожиданно. Очевидно, Софья боялась помехи со стороны стрельцов; боясь их волнения, она 17-го же сентября известила их грамотой, что Хованские казнены, и прибавляла, что на самих стрельцах царского гнева нет.

Но стрельцы не поверили. Они думали, что за Хованским наказание постигнет и их. Поэтому они подняли бунт; по слухам, ожидая нападения на Москву царских войск, они привели город в осадное положение и приготовились к вооруженной защите. Это заставило правительство удалиться в Троицкую Лавру (бывшую первоклассной крепостью того времени) и собирать дворянское ополчение из городов. Военные приготовления правительства показали стрельцам их собственную слабость, невозможность сопротивления и необходимость покориться. Через посредство оставшегося в Москве патриарха просят они прощения у Софьи. Софья дает им прощение с одним условием: стрельцы вполне должны повиноваться начальству и не мешаться не в свое дела; 8 октября стрельцы дают в этом клятву. Они просят позволения сломать тот почетный столб, который был поставлен в память майских подвигов. Теперь в глазах их самих и правительства майские подвиги не заслуга, а бунт.

Так кончилось смутное время, тянувшееся с мая по октябрь 1682 г. В начале ноября двор возвратился в Москву; настало так называемое «правление царевны Софьи» (1682-1689).

Таковы были придворные и политические обстоятельства, в которых родился и провел годы детства Петр. С началом правления Софьи началось его отрочество. Посмотрим, что мы знаем достоверного о детстве Петра.

О первых днях жизни царевича сохранилось много любопытных сведений. Его

рождение вызвало ряд придворных праздников. Крестили царевича только 29 июня в Чудовом монастыре, и крестным отцом был царевич Федор Алексеевич. По древнему обычаю, с новорожденного «сняли меру» и в ее величину написали икону апостола Петра. Новорожденного окружили целым штатом мам и нянь; кормила его кормилица. По некоторым отзывам, Петр с детства был очень крепок физически, «возрастен и красен и крепок телом». Очень рано его стали забавлять игрушки, и эти игрушки почти исключительно имели военный характер. По расходным дворцовым книгам мы знаем, что Петру постоянно делали в придворных мастерских и покупали на рынках луки, деревянные ружья и пистолеты, барабаны, игрушечные знамена и т. д. Этим оружием царевич и сам тешился, и вооружал «потешных ребяток», т. е. своих сверстников из семей придворной знати, всегда окружавших малолетних царевичей. Если бы царь Алексей жил более, можно было бы ручаться, что Петр получил бы такое же прекрасное, по тому времени, образование, как его брат Федор. Но царь Алексей умер, когда Петру не исполнилось и четырех лет. Вот почему Петр остался без правильного образования. Некоторые (И. Е. Забелин) думают, что начало обучения Петра положил еще его отец. Такое мнение основывается на том, что 1 декабря 1657 г. начали кого-то учить грамоте в царское семье, как это ясно из книг Тайного приказа. Но в царской семье не начинали учить детей раньше 5 лет, а Петру тогда было только 3, 5 года. С другой стороны, первый известный нам учитель Петра, Никита Моисеевич Зотов, был определен к нему уже царем Федором. Поэтому такое мнение о раннем обучении Петра сомнительно. Достовернее, что Петр впервые сел за азбуку под руководством Зотова пяти лет от роду. Этого Зотова назначил к Петру его крестный отец, царь Федор, очень любивший своего крестника и брата. Зотов раньше был приказным дьяком и при назначении к Петру подвергся экзамену: читал и писал в присутствии царя и был одобрен как самим царем, так и известным Симеоном Полоцким. Курс учения в древней Руси начинался азбукой, продолжался чтением и изучением Часослова, Псалтиря, Апостольских деяний и Евангелия. Обучение письму шло позже чтения. Петр начал учиться письму, кажется, в начале 1680 г. и никогда не умел писать порядочным почерком. Кроме письма и чтения Зотов ничему не учил Петра (ошибиться здесь можно только относительно арифметики, которую Петр узнал довольно рано неизвестно от кого). Но Зотов как пособие при обучении употреблял иллюстрации, привозимые в Москву из-за границы и известные под именем «потешных фряжских» или «немецких листов». Эти листы, изображая исторические и этнографические сцены, могли дать много умственной пищи ребенку. Кроме того, Зотов ознакомил Петра с событиями русской истории, показывая и поясняя ему летописи, украшенные рисунками. Что Зотов и при отсутствии широкого образования и ума вел свое дело добросовестно и тепло, доказывается неизменным расположением к нему Петра, не забывшего своего учителя.

Чем больше становился Петр, тем хуже складывалась окружающая его обстановка. При отце любимый и ласкаемый, Петр при Федоре вместе с матерью разделял ее опалу. Хотя Федор его и любил, но борьба придворных партий отстраняла его и его мать от царя. Начиная понимать разговоры окружающих, Петр узнал от них, конечно, о семейной вражде, о гонениях на его мать и на близких ей людей. Он учился не любить Милославских, видел в них врагов и притеснителей. Десяти лет избранный царем, он в 1682 г. пережил ряд тяжелых минут. Он видел бунт стрельцов; старика Матвеева, говорят, стрельцы вырвали из его рук; дядя Иван Нарышкин был им выдан на его глазах; он видел реки крови; его матери и ему самому грозила опасность ежеминутной смерти. Петр так был потрясен «майскими днями» 1682 г., что от испуга у него явились и остались на всю жизнь конвульсивные движения головы и лица («sa tete branle continuellement, bien qu'il ne soit age que de vingt ans», – пишет о нем видевший его современник). Чувство

неприязни к Милославским, воспитанное уже раньше, перешло в ненависть, когда Петр узнал, сколь они виноваты в стрелецких движениях. С ненавистью относился он и к стрельцам, называя их «семенем Ивана Михайловича» (т. е. Милославского), потому что с представлением о стрельцах у него соединялось воспоминание об их бунтах 1682 г.

Так беспокойно кончилось детство Петра. В нем – начало его военных забав, в нем – тяжелые, даже ужасные минуты, повлиявшие на всю жизнь Петра. В детстве Петра, наконец, нет начатков правильного образования: его учат «грамоте», прочие сведения приходят случайно, усваиваются мимоходом.

«Потехи» Петра.

В детстве, как мы видим, Петр не получил никакого образования, кроме простой грамотности и кое-каких исторических сведений. Забавы его носили ребячески-военный характер. Обстановка жизни сообщила ему несколько тяжелых впечатлений. Будучи царем, он в то же время находился под опалой с 10 лет и с матерью должен был жить в потешных подмосковных селах, а не в Кремлевском дворце. Такое грустное положение лишало его возможности получить правильное дальнейшее образование и в то же время освобождало от пут придворного этикета. Не имея духовной пищи, но имея много времени и свободы, Петр сам должен был искать занятий и развлечений. Можно думать, что мать никогда не стесняла любимого единственного сына и что воспитатель Петра, князь Борис Голицын, не следил за каждым его шагом. Мы не видим, чтобы Петр особенно подчинялся материнскому авторитету в своих вкусах и занятиях, чтобы Петра занимали другие. Он сам выбирает себе товарищей из тесного круга придворных и дворовых служителей царицына двора и сам с этими товарищами ищет себе потех. Отрочество Петра отмечено самодеятельностью, и эта самодеятельность шла в двух направлениях: 1) Петр предавался по-прежнему военным забавам, 2) Петр стремился к самообразованию.

С 1683 г. вместо «потешных ребяток» около Петра видим «потешные полки» («потешные», ибо стояли в потешных селах, а не потому, что служили только для потехи). В ноябре 1683 г. Петр начинает формировать Преображенский полк из охочих людей (до последних лет своих Петр помнил, что первым охотником был придворный конюх Сергей Бухвостов). В отношении этого потешного полка Петр был не государем, а товарищем-соратником, учившимся наравне с прочими солдатами военному делу. С разрешения, конечно, матери и с одобрения, быть может, Б. Голицына (даже, быть может, с некоторым его содействием) Петр, как говорится, и днюет, и ночует со своими потешными. Предпринимаются маневры и небольшие походы, на Яузе строится потешная крепость (1685 г.), названная Пресбургом, словом, практически изучается военное дело не по старым русским образцам, а по тому порядку регулярной солдатской службы, какой в XVII в. был заимствован Москвой с Запада. Эти военные «потехи» требуют военных припасов и денежных средств, которые и отпускаются Петру из московских приказов. Правительство Софьи не видит для себя никакой опасности в таких «потехах марсовых» и не мешает развитию потешных войск. Оно испугалось этих войск позже, когда из потешных выросла солидная военная сила. Но растил Петр эту силу беспрепятственно. Не следует думать, что Петр забавлялся с одной дворовой челядью. Вместе с ним в рядах потешных были и товарищи его из высших слоев общества. Стоявший вне придворного этикета, Петр мешал родовитых людей и простолюдинов в одну «дружину», по выражению С. М. Соловьева, и из этой

дружины бессознательно готовил себе круг преданных сотрудников в будущем. Военное дело и личность Петра сплачивали разнородные аристократические и демократические элементы в одно общество с одним направлением. Пока это общество забавлялось, – позже оно стало работать с Петром.

Несколько позднее, чем организовались военные игры Петра, пробудилось в нем сознательное стремление учиться. Самообучение несколько отвлекло Петра от исключительно военных забав, сделало шире его умственный кругозор и практическую деятельность. Лишенный правильного образования, Петр, однако, рос в кругу, далеко не вполне невежественном. Нарышкины из дома Матвеева вынесли некоторое знакомство с западной культурой. Сын А. С. Матвеева, близкий к Петру, был образованным на европейский лад. У Петра был немец-доктор. Словом, не только не было национальной замкнутости, но была некоторая привычка к немцам, знакомство с ними, симпатия к Западу. Эта привычка и симпатия перешли и к Петру и облегчили ему сближение с иноземцами и их наукой. Сближение это произошло около 1687 г. таким образом: в предисловии к Морскому Регламенту сам Петр рассказывает, что кн. Я. Долгорукий привез ему в подарок из-за границы астролябию, и никто не знал, как сладить с иностранным инструментом; тогда нашли Петру знающего человека, голландца Франца Тиммермана, который объяснил, что для употребления астролябии нужно знать геометрию и иные науки. У этого-то Тиммермана Петр «гораздо с охотой пристал учиться геометрии и фортификации». В то же время он нашел в селе Измайлове старый английский бот, валявшийся в амбаре. Тиммерман объяснил Петру, что на этом боте можно ходить против ветра, лавировать (чего русские не умели). Петр заинтересовался и нашел человека (как и Тиммермана – из Немецкой слободы), голландца Карштен-Бранта, который стал учить Петра управлению парусами. Сперва учились на узенькой Яузе, а потом – в селе Измайлове на пруде.

Искусство навигации так увлекло Петра, что стало в нем страстью. К изучению этого дела он отнесся очень серьезно. В 1688 г. недовольный тем, что негде плавать под Москвой, он переносит свою забаву на Переяславское озеро (в 100 с лишком верстах от Москвы на север). Мать согласилась на отъезд Петра, и Петр принялся в Переяславле строить суда с помощью мастеров-голландцев. В это время он ничего не хотел знать, кроме математики, военного дела и корабельных забав. Но ему уже шел 17-й год, он был очень развит и физически, и умственно. Его мать вправе была ждать, что достигший совершеннолетия сын обратит внимание на государственные дела и устранил от них ненавистных Милославских. Но Петр не интересовался этим и не думал бросать свое ученье и забавы для политики. Чтобы остепенить его, мать его женила (27 января 1689 г.) на Евдокии Федоровне Лопухиной, к которой Петр не имел влечения. Подчиняясь воле матери, Петр женился, однако через какой-нибудь месяц после свадьбы уехал в Переяславль от матери и жены к кораблям. Но летом этого 1689 г. он был вызван матерью в Москву, потому что неизбежна была борьба с Милославскими.